

УДК 82

«ХОЗЯИН ЛЕСА» И «ЦАРЬ ПРИРОДЫ»: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ВЫБОР КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭТАП ИНИЦИАЦИИ В РОМАНЕ М.М. ПРИШВИНА «ОСУДАРЕВА ДОРОГА»

ЛОГВИНЕНКО Сергей Викторович,
кандидат филологических наук, ассистент кафедры
историко-культурного наследия
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются пространственные перемещения главного героя как этапы становления сознания, инициация. Анализируется ключевой эпизод нравственного выбора героя, как необходимое звено на пути ментального взросления, поиска своего места в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М.М. Пришвин, «Осударева дорога», мифологическое пространство, мифопоэтика, инициация.

LOGVINENKO S.V.,
Cand. Philolog. Sci., Assistant of the Department of Historical and Cultural Heritage
Bunin Yelets State University

«MASTER OF THE FOREST» AND «TSAR OF THE NATURE»: MORAL
AND ETHICAL CHOICES AS A KEY STAGE OF INITIATION IN THE NOVEL
«OSUDAREVA DOROGA» BY M.M. PRISHVIN

ABSTRACT. The article describes the spatial movement of the main character as the stages of formation of consciousness, initiation. The author analyses the key episode of the moral choice of the hero as an essential link in the way of mental maturity, search for his place in the world.

Уже в ранних произведениях М.М. Пришвина назревают вопросы, которые будут волновать его всю жизнь. Главные из них: тема власти, тема человеческого единства и противоречие в рамках этой целостности между «хочется» и «надо», личностью и обществом, попытка выхода из которого будет отражена в последнем романе писателя.

Роман «Осударева дорога» является итоговым романом Михаила Пришвина и занимает особое место в художественном дискурсе писателя. «Осударева дорога», являясь романом-мифом, по определению самого Пришвина, обладает глубинным мифолого-философским ядром, сконцентрировавшим мучительные многолетние раздумья писателя о назначении человека в мире.

Особенность художественной картины мира в прозе Пришвина заключается в сказочно-мифологической доминанте изображаемой жизни: миф становится важнейшим художественно-философским кодом его творческой системы. Для Пришвина мифотворчество было возможностью представить жизнь как целое, как такое единство, где все согласовано со всем, где есть та гармония, в которой может существовать Истина, Добро и Красота. Философия Всеединства реализуется в романе-мифе не в форме диалогических размышлений о природе бытия, а в языке мифологии и архетипов.

Структура художественного пространства в «Осударевой дороге» представлена различными локаль-

ными типами, которые, взаимодействуя между собой, в определенной мере формируют образную, мотивную, символическую системы романа, способствуя созданию ее особой внутренней динамичности. Художественное пространство в творчестве М.М. Пришвина и в частности в романе «Осударева дорога», является выразителем философско-эстетических исканий писателя, потому что наиболее адекватно актуализирует содержащиеся в произведении смыслы и значения. В «Осударевой дороге» Пришвин исследует «тайники мысли и души» как отражение сущностной основы бытия.

Пристальное внимание М.М. Пришвин сосредоточил на разработке характера главного героя романа – Зуйка, пути его борьбы в природе. Зук был соблазнен властью и одновременно той свободой, которую дает власть, он ищет свободу в природе, но она приводит его к познанию необходимости. Движение Зуйка в пространстве канала не столько физическое развитие, сколько его «ментальное взросление, своего рода мыслеография, художественное воплощение нарастающих кругов сознания» [1, с. 95]. Пространственные перемещения Зуйка в романе – это становление, реализация архетипа *самости* (самодостаточности), важнейшего антропологического принципа «ориентации и смысла» [2, с. 203], определения человека в мире. Архетип самости находит художественное воплощение в эволюции душевных и сознательных предпочтений героя, он связан с основными этапами его инициации.

Через «душу» взрослеющего ребенка Пришвин намеревался показать «рождение нового сознания русского человека». По собственному признанию писателя, он «выводил» его «из себя самого»: «Думаю о себе, а гляжу на него. Думаю о нем – и себя самого раскрываю [3, т. 6, 8]. Жизнь мальчика в романе имеет главный вектор – поиски глубинного смысла жизни. Все его метания и соблазны соотносятся с пространственно-динамическими характеристиками, отмеченными смысловой оппозицией «сакральное – профанное».

Мифологический путь, являясь связующим звеном в цепи подпространств между периферией и сакральным центром, чаще всего однонаправлен – это движение к центру. Отсюда и основная характеристика пути как движения «по линии возрастающих трудностей и опасностей». В отличие от начала, локуса «естественного» для Зуйка, конец пути «образует главное силовое поле пространства, без преодоления которого центр недоступен» [4, с. 259]. Конец таит в себе «высшие сакральные ценности» и в то же время – это «основное препятствие, опасность, угроза, которые, будучи преодолены или устранены, непосредственно открывают доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса» [4, с. 259].

Известный исследователь главных координат мифогенного локуса В.Н. Топоров утверждает, что итог пути раскрывается в кульминационном моменте: «Он приходится на стык двух частей, указывающих на границу-переход между двумя по-разному устроенными "подпространствами"» [4, с. 263]. Вариантом такого перехода-моста в романе является «просека» – особый пространственный ориентир. Просека в лесу между молодым лиственным лесом и старым бором – это своеобразная граница между реальным пространством и ирреальным. Ответственный момент перехода требует максимальных затрат сил.

«Просека-мост» представляет огромную опасность для Зуйка. С каждым новым шагом по тонкому насту путник рискует провалиться в «бездну» из снега, утонуть в «снежной глубине». Он, «ступая над бездной по тоненькой пленочке, в сущности, стал одной из обреченных фигурок из царства безобидных существ» [3, т. 6, 157]. В этом эпизоде ярко проявляется центральный мотив романа – «хочется – надо». Здесь отмечается рождение в Зуйке осознания необходимости, того самого «надо», которое не осознавалось прежде как внутреннее побуждение. Этот «внутренний начальник» твердит Зуйку «надо» и заставляет двигаться вперед.

Теперь он должен отстоять свое убеждение – выжить. Но это нелегко. Как только к своему «хочется» прибавилось «надо», произнесенное «внутренним начальником», наст проваливается до внутренней, последней корки, отделяющей героя от «бездны». Зуюк, вспоминая все, чему его учили, решает наломать веток, чтобы уцепиться за них и двигаться дальше: «Так он и хотел сделать, и вот-вот бы достал, как вдруг с той стороны над самым снегом показалась бурая голова с маленькими глазами <...>. Скоро понял, что это большой медведь идет на него, Зуюк быстро снял ружье и только хотел прицелиться, как вдруг под ногой у него сильно хрупнуло, и охотник исчез в снегу с головой» [3, т. 6, с. 160].

Казалось бы, здесь путь героя должен был остановиться, а Зуюк погибнуть. Но «царя природы» спасает сама природа – дерево, к которому пробился Зуюк: «При необычайно дружной весне этого года поток воды по стволу сразу же широко озернил снег вокруг ствола, сделал его очень слабым и сразу же сильно понизил. Зуюк без труда пробился к стволу дерева, прислонился к нему, приготовил ружье и стал дожидаться медведя» [3, т. 6, с. 161]. И это не случайно: Пришвин не считал человека «властелином» природы, его царем. Писатель вкладывал в слово «царь» иное значение: не повелитель, а разумный хозяин, у которого «первенство» в природе не означает безраздельной власти. Символично и то, что Зуюк цепляется за дерево. Пришвин словно указывает место человека в природе: «Человек, как царь природы, есть ствол дерева» [3, т. 8, с. 495].

Однако наибольший интерес для нас представляет тот факт, что Зуюк встречает медведя. Еще в начале романа, в доме Сергея Мироновича ведется охотничий разговор, имплицитно связанный с будущей *инициацией* Зуйка – посвящением его в *охотники*. Стать охотником и перенять традиции предков-староверов Зуюк может только одним путем – «сосчитать зубы медведя»:

– А сколько у медведя зубов? – спросил бойко Зуюк, раздвигая обеими руками занавеску широко в обе стороны.

– Больно ты боек, – засмеялся Мироныч. – Есть кто тебя поматорей за столом, и тоже не знает, сколько у медведя зубов, а не смеет спросить <...> *годика* через два (курсив наш – С.Л.) найдем мы тут неподалеку берлога, поставим парня против чела, и я скажу: «Ну-ка, Зуюк, стар я становлюсь, память путается; скажи-ка мне, молодец, сколько у медведя зубов?» [3, т. 6, с. 29].

Если бы «табашники» (строители канала) не приехали и все шло «по-старому», то, скорее всего года через два (по словам Мироныча), Зуюк должен был встретить медведя и убить его. Но теперь, после всех «странствий», Зуйку суждена встреча с медведем в ином плане, исход которой коренным образом отличается от «запланированной». Так, у «дерева» происходит неизбежное «столкновение» настоящего хозяина леса и несостоявшегося «царя природы». Мы наблюдаем, как совмещаются векторы двух различных путей инициации – инициации будущего охотника и инициации человека как «разумного хозяина» – в единую пространственно-временную точку. Зуюк выжидает и *сознательно* не убивает медведя, как положено в возрастной, охотничьей инициации, уже понимая, что он в лесу, где человека и зверя объединяет общее опасное пространство – лес ожидает «весну воды», половодье. Медведь, словно осознав это, прокладывает дорогу «по бездонной просеке», тем самым спасая мальчика от неминуемой гибели.

Выжив в этом нелегком испытании, следуя медвежьей дорогой, Зуюк направляется в край «Живого Наволока» – месту совершения последнего испытания, месту инициации, локусу, обладающему высшей сакральной ценностью в мифологическом пути героя. Путь Зуйка – это дорога к Всеединству, единению мира в его мельчайших проявлениях. Он движется к своей цели путем обретения сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Борисова Н.В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина : учеб. пособие / Н.В. Борисова. – Елец : Изд-во Елецкого гос. ун-та, 2004. – 228 с.

2. Юнг К.Г. Воспоминания, сны, размышления / К.Г. Юнг // Дух и жизнь : сборник / под. ред. Д.Г. Лахути; пер. с нем Л.О. Акопяна. – М. : Практика, 1996. – С. 7–371.
3. Пришвин М.М. Собр. соч. : в 8 т. / М.М. Пришвин. – М. : Художественная литература, 1982–1986.
4. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура / ответ. ред. Т.В. Цивьян. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.